

И МЕНИ этой актрисы не встретить на первых страницах толстых театральных журналов. Она не выходит в окружении поклонников из роскошного лимузина и не адресует фотокорреспондентам ослепительных улыбок. И все же колебаний — делать с ней интервью или нет — почему-то не возникало. Может быть, зрительские слезы, нечаянно замеченные на одном из спектаклей с ее участием, послужили тому причиной?

На сцене Елена Крайняя уже четырнадцать лет, несколько последних сезонов она — актриса Казанского тюза, ныне Молодежного театра. И если поиск по-настоящему счастливого человека в наше постперестроечное время — дело само по себе достаточно сложное, то об-

Первое время вы, наверное, страшно волновались?

— Сказано слишком мягко! Я просто не могла понять, где находится зрительный зал. Конечно, потом, второй, третий раз выйдя на сцену, я сравнительно быстро научилась держать себя в руках, может, еще и потому, что в этом театре был на редкость замечательный актерский коллектив. Именно с этим коллективом, кстати, я сыграла Элину в «Сотворившей чудо», Искру Полякову в «Завтра была война...» — роли, которые помогли мне сформироваться как актрисе. Кроме того, тогда я много играла в детских спектаклях, в свою очередь научивших меня никогда не уступать приступам аристократической лени: мол, и так сойдет.

— Избавило ли это вас от проб-

исходит следующее: мне приходится не только и не столько перестраиваться, сколько принуждать себя входить в чуждый мне образ. Кстати, так произошло с Лоран в пьесе Александра Галина «Звезды на утреннем небе». Я ощутила в себе странное раздвоение: с одной стороны, мне интересно играть эту роль, с другой — «здесь же просто нечего делать». В таких случаях я очень радуюсь, что понимание необходимости перевоплощения пришло ко мне в тридцать четыре, а не в семьдесят пять, когда оно уже явно ни к чему.

— Значит, ваше творческое кредо — играть, а не жить?

— Скорее всего, ведь я актриса русской драматической школы, а следовательно...

— Слепое следование системе

го человека, терзаемого противоречиями своего духовного мира и суровыми требованиями общества.

— А какие роли вам ближе — реалистические или в духе булгаковского мистицизма?

— Когда на меня составляли гороскоп, то выяснилось, что большая часть моей жизни — сон. Сначала это показалось странным, но потом я поняла, что предсказание совершенно правильное: я безумно люблю сказку и все, что с ней связано. Именно «булгаковский мистицизм». Но ролей этого плана у меня немного. Агата в классической комедии Реняра «Любовное безумие», Оленька Оленина в «Погроме» Бориса Васильева — все это совершенно реальные, подчас бытовые персонажи, и они мне далеко не так близки, как, скажем, шварцевская Эльза.

— Елена, одна из главных проблем в театре — отношения с режиссером. Если я не ошибаюсь, главреж вашего театра — человек жесткий, требующий точного исполнения своих установок. Вы к этому относитесь спокойно?

— Я очень доверяю режиссеру Борису Цейтлину и, по возможности, стараюсь выполнить его модель. В противном случае спектакль теряет законченность и монолитность, он уже не кажется произведением одного художника. А жесткость... помните, как у Гоголя: чем уже гранитные берега, тем стремительнее несет поток, тем сильнее проявляется талант. Вместе с тем актер должен представлять интерес не только как глина, но и как личность. Если этого нет, работать в театре становится скучно, и он умирает, сначала духовно, потом материально.

— На фоне всеобщего скепсиса не появилось ли у вас ощущение, что театральная жизнь, особенно на периферии, останавливается?

— К счастью, нет. На мой взгляд, творчество от места расположения и финансовых затруднений театра не зависит, оно целиком и полностью зависит от людей. А люди здесь прекрасные. Как было сказано, театр умирает тогда, когда режиссеру становится неинтересно работать с трупной или трупной убежденностью бездарности режиссера. В таком случае спектакль получается и не актерский, и не режиссерский — провинциальный. А «провинциальные» вещи могут выходить с одинаковым успехом как в Москве, так и в Казани. География места роли не играет, важна география таланта.

— Елена, давайте напоследок немного помятаем. Чего бы вам хотелось в жизни больше всего: роли, в которой сможете до конца раскрыть себя, благополучия или чего-то еще?

— Я мало мечтаю о тех ролях, которых не играю. Мне гораздо приятнее представлять, как лучше сделать то, что есть. Все мои мечты и желания можно сформулировать просто, знаете, как в сказке: хочу, чтобы в то время, которое мне суждено еще прожить, судьба не разлучила меня с сыном, театром и богом. Для счастья женщины и актрисы, по-моему, вполне достаточно...

Интервью взял Сергей КАЛИНИН.

На снимке: Елена Крайняя.
Фото К. Ахморова.

Елена КРАЙНЯЯ:

Сов. Татария - Казань -
- 1992 - 31 окт. - с. 7

«Всю жизнь быть с театром и богом»

щение с ним, найденным, превращается в некую отдушину. И эта беседа — не исключение.

— Елена, а как все начиналось?

— Случайно, как и многое в моей жизни. Я была последним, седьмым ребенком в многодетной христианской семье, где вера в Бога и Провидение стояли на одном из первых мест. И хотя мои родители насильно верить ни во что детей не заставляли, во мне прочно укрепилось понимание бытия как цепи случайностей, посланных нам свыше. Со стороны так оно и было: с детства мечтая стать артисткой, я сначала попыталась поступить в Щукинское, потом в ГИТИС. Получилось достаточно смешно. В ГИТИСе мне сказали скороговоркой: «Девочка, тут недалеко слушают на отделение «Актер детского театра», беги быстрее: если успеешь — возмут». Я, конечно, побежала, но там уже никого не слушали. Я поступила в Орловский институт культуры. В это же время — был 1976-й год — начал создаваться Орловский тюз, и когда я училась на третьем курсе, произошла очередная случайность — главрежу нового театра Ю. Копылову понадобилась маленькая девочка на роль Ассоли из «Алых парусов». Выбрали почему-то меня — вот так, собственно, все и началось...

лем с адаптацией и тому подобным после переезда в Казань?

— В творческом плане — да. В Казанский тюз я приехала со своими принципами, ощущениями от жизни, и была очень рада, что менять их не пришлось. Правда, сразу же возникла ситуация «с корабля на бал». Мне пришлось играть Эльзу в почти полностью поставленном главным режиссером театра Борисом Цейтлиным «Драcone» Шварца. Спектакль был закончен, и новый ввод мог, как мне казалось, только его испортить. Я даже постриглась очень коротко, чтобы не играть, — настолько велик был страх. Но первая же репетиция, а точнее ее деловая и конструктивная атмосфера, поставила все на свои места. В конце концов Эльза мне стала так близка, что я научилась «проигрывать» ее всего за секунду нашего, земного времени. А умение мгновенно прожить все два с половиной часа существования в совершенно непонятном, загадочном мире — не долгожданное ли это слияние образа и души?

— А бывает так, что сценическая ваша сущность оказывается противоположна человеческой?

— Мне кажется, что подобное происходит со всеми, кто имеет дело с перевоплощением. Наоборот, совпадение этих двух сущностей — явление редкое. Чаще про-

Станиславского?

— Совсем нет. Наш главный режиссер требует от актеров одного: чтобы зритель задумывался над вопросом — а как они это выдерживают? Казалось бы, уже после первых сцен должен произойти нервный срыв, а я плачу, истерически смеюсь без видимого перехода, становлюсь то фанатиком, то холодным мыслителем — и все это за ничтожно короткий период на сцене.

— Многое из сказанного напрямую относится к вашей коронной роли Шен Де в «Добром человеке из Сезуана» Бертольда Брехта. Как вы сами ее оцениваете?

— Вообще с Брехтом у меня связаны еще юношеские воспоминания — когда на третьем курсе я делала подробную режиссерскую разработку «Доброго человека», то впервые передо мной стала проблема: считать добрую Шен Де и ее «двоюродного брата» Шой Да разными людьми или одним? Брехт не потрудился в своем произведении этого объяснить. И вот почти через четырнадцать лет эта дилемма снова возникла. Но как только я решила играть одну Шен Де, раздвоенную до неузнаваемости на «добрую» и «злую», роль приобрела определенные очертания. В итоге героиня Брехта представлена в качестве модели каждо-